

УДК 94(47)"1938"

*Л. П. Марней, Б. В. Носов*

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

**Письмо и записка академика Н. С. Державина председателю  
Совнаркома СССР В. М. Молотову о развитии  
отечественного славяноведения в 1930-е гг.  
(К предыстории Института славяноведения РАН)**

Марней Людмила Петровна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Носов Борис Владимирович

Доктор исторических наук, зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: bnossov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Цитирование

*Марней Л. П., Носов Б. В.* Письмо и записка академика Н. С. Державина председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову о развитии отечественного славяноведения в 1930-е гг. (К предыстории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 394–426. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

Текст поступил в редакцию 12.03.2024.

Аннотация

Статья и публикуемые исторические источники (письмо и записка академика Н. С. Державина) посвящены истории отечественного славяноведения в 1930-е гг., а также рассмотрению методологических проблем научного славяноведения и идеологического содержания «славянской идеи». В центре внимания – борьба Н. С. Державина за создание Института славяноведения как фундаментального научного центра Академии наук по изучению истории и культуры славянских народов, который играл бы роль не только всесоюзного, но и международного славистического центра, что занимало в программе ученого центральное место. Однако в условиях международного кризиса

1938–1939 гг., который в итоге привел к началу Второй мировой войны, Державин в записке Молотову ставит более скромные, но не менее масштабные задачи, решение которых в комплексе должно было послужить основанием для создания такого института. Среди них он называет: введение в университетах общих и специальных курсов по истории славян; отражение последней в школьных программах; организацию Всесоюзной славяноведческой конференции. Н. С. Державин особо подчеркивал принципиальное значение нераздельности изучения истории и культуры славян с изучением отечественной истории.

Ключевые слова

*История славяноведения в СССР, академик Н. С. Державин, методологические проблемы научного славяноведения, «славянская идея», Институт славяноведения РАН.*

Предлагаемая вниманию читателей статья касается по содержанию наиболее раннего периода (по сравнению с опубликованной нами ранее, в 2023 г.<sup>1</sup>) в цикле подготовленных авторами исследований по истории Института славяноведения РАН. В нынешней публикации, посвященной периоду 1930-х – начала 1940-х гг., помещены письмо и докладная записка выдающегося российского и советского ученого-слависта и общественного деятеля Николая Севастьяновича Державина от 12 июля 1938 г. председателю СНК СССР В. М. Молотову. В этих документах нашли отражение важные тенденции развития отечественного славяноведения 1930-х гг., прежде всего борьба Н. С. Державина за создание Института славяноведения как фундаментального научного центра изучения истории и культуры славянских народов.

Историческая общность славянских народов начиная с эпохи Нового времени тесно связана с идеологическим течением и общественно-политическим движением, обозначаемыми понятием «славянская идея», основанными на представлении об общности культуры, социально-политического развития и национальных интересов, а также специфики идентичности славян. Наиболее ярким проявлением «славянской идеи» стала сформировавшаяся к середине XIX столетия концепция славянской взаимности.

---

<sup>1</sup> См.: *Марней Л. П., Носов Б. В.* Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения 1968 г. // *Славянский альманах.* 2023. № 1–2. С. 422–442.

В то же время славяноведение как научное направление комплексно изучает славянство как специфическую историческую общность. Исторически «славянская идея» как идеология и славяноведение как наука, взаимодействуя, развивались параллельно, не пересекаясь по существу. При этом славяноведение неизменно оставалось на почве научной методологии, отвергая националистические тенденции, пришедшие в некоторой степени «славянской идее».

В СССР в 1920–1930-е гг. традиционное российское научное славяноведение рассматривалось большевиками как обоснование панславистских и неославистских идейных течений в царской России, а те в свою очередь трактовались как проявление великодержавного шовинизма. Политическая эволюция «славянской идеи» в Европе в 1920–1930-е гг., ее связь с националистическим и антисоветским курсом правящих кругов зарубежных стран и с контрреволюционной белой эмиграцией были в глазах руководства СССР и ВКП (б) враждебны и несовместимы с принципами пролетарского интернационализма. Это послужило идеологическим и политическим обоснованием для негативного отношения властей Советской России к научному славяноведению вплоть до противозаконных репрессий против ряда ученых-славистов<sup>2</sup>.

Однако в политической и в общественной жизни СССР в отношении к «славянской идее» была представлена иная тенденция. Среди республик-основателей Советского Союза главная роль принадлежала РСФСР, Белоруссии и Украине. Концепция пролетарского интернационализма, зафиксированная в решениях X съезда РКП(б) и положенная в основу национальной политики СССР, что имело и внешнеполитическую проекцию, предполагала, в частности, «юридическое и фактическое равенство наций», их всестороннее сотрудничество в ходе строительства социализма. Это не противоречило идее славянской взаимности в ее демократической интерпретации. Имеются отдельные свидетельства, что в руководстве Советского Союза в середине 1920-х гг. рассматривался замысел развертывания за рубежом славянского движения в поддержку СССР и создания там славянских комитетов<sup>3</sup>.

---

2 См., например, воспоминания одного из ведущих советских филологов-славистов С. Б. Бернштейна, со дня основания многие годы проработавшего в Институте славяноведения РАН: *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82.

3 См.: *Старков Б. А.* Панславянская идея в Советской России. Новые документы, новые подходы // Европа и Срби. Београд; Нови Сад, 1996.

Формирование на Западе в 1934–1935 гг. разного рода фашистских движений, распространение гитлеровской нацистской идеологии с ее ярко выраженной антикоммунистической и антиславянской направленностью, наконец, приход в 1933 г. нацистов к власти в Германии, открыто провозгласивших курс на ликвидацию Версальской системы и развязывание новой мировой войны во имя победы над коммунизмом и уничтожения СССР, кардинально изменили характер международного положения. Осмысление трагического опыта противостояния нацизму в Западной Европе послужило с середины 1930-х гг. принципиальной переориентации стратегии и тактики СССР, коммунистического и социалистического движений и всех демократических сил в борьбе с фашизмом против угрозы мировой войны.

В новых условиях главной задачей СССР на международной арене становится объединение всех демократических сил для создания «антифашистского фронта» и формирования системы коллективной безопасности. С этой точки зрения в СССР произошел определенный пересмотр отношения к идее славянской взаимности. В международных отношениях это нашло, в частности, выражение в советско-чехословацком договоре 1935 г. об участии СССР в гарантии территориальной целостности Чехословакии. В идеологической работе внутри страны был взят курс на возрождение патриотических традиций, на пропаганду героических страниц отечественной истории, связанных с противостоянием германскому «натиску на Восток» (*Drang nach Osten*) и с освободительной миссией России в отношении народов Юго-Восточной Европы, в том числе славян. В этой связи «славянская идея» стала рассматриваться в СССР как перспектива воплощения в будущем общей борьбы славянских народов за свободу и против угрозы закабаления со стороны германского нацизма. В 1934 г. в докладе на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин, имея в виду гитлеровскую Германию, использовал весьма многозначительную аналогию, заявив, что «представители “высшей расы”» так же смотрят на славянские народы, как некогда Древний Рим смотрел на варваров, и, напоминая о крушении Римской империи, задался риторическим вопросом: «Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым

---

С. 477–488. Едва ли есть основание, как это делает автор указанной статьи, связывать этот проект с панславизмом. Однако приведенные им факты имеют немаловажное значение.

и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»<sup>4</sup>

О сохранении во второй половине 1930-х гг. в европейской системе международных отношений известной тенденции славянской взаимности свидетельствовала политика президента Чехословакии Э. Бенеша, который не только пошел на заключение советско-чехословацкого договора 1935 г., но и во время своего визита в Москву в июне 1935 г., по некоторым свидетельствам, высказывал мысль, что усилия СССР в деле создания системы коллективной безопасности в Европе могут быть поддержаны малыми славянскими странами не в последнюю очередь на почве «славянской идеи». Косвенно это нашло подтверждение в циркулярной телеграмме Э. Бенеша по итогам визита, в которой он, в частности, подчеркивал, что в сближении с СССР не намерен «ускорять развитие, особенно излишне подчеркивать славянскую взаимность, чтобы мы никого не пугали»<sup>5</sup>.

Наметившиеся в СССР в середине 1930-х гг. новые тенденции в политике, идеологии и пропаганде побудили советское руководство существенно пересмотреть свое отношение как к исторической науке в целом, так и к славяноведению как к одному из ее основных направлений. Начиная с 1934 г. в СССР было кардинально перестроено преподавание «гражданской истории» в средней и высшей школе, созданы исторические факультеты в университетах и педагогических институтах. Новый подход Советской власти к отечественной науке нашел выражение и в переезде Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. Новые характерные тенденции в отношении властей к отечественной исторической науке проявились и в области славяноведения. При этом обращает на себя внимание, что кардинальный поворот в этом хронологически совпал с мюнхенским сговором стран Запада с нацистской Германией в сентябре 1938 г.

Возрождение славяноведения в Советском Союзе традиционно связано с именем крупного ученого-слависта Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947 гг.). В 1939 г. по его инициативе были образованы сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедра истории южных и западных славян Московского университета.

---

4 См.: *Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии* / под ред. проф. З. Р. Неедлы. М., 1944. С. 4.

5 См.: *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. М., 2013. С. 113.

Практически одновременно с В. И. Пичетой с призывом к возрождению славяноведения как особого направления отечественной науки в 1938 г. выступил Н. С. Державин. Он родился в 1877 г., в год начала освободительной для южных славян русско-турецкой войны, в селе Преслав Бердянского уезда Таврической губернии в семье учителя. Дата и место рождения имели для судьбы Н. С. Державина не только символическое значение. Историческая Новороссия начиная с XVIII столетия стала областью активной колонизации со стороны русских и украинцев, а также многих других народов, в том числе югославянских (сербов, хорватов, болгар). Детство и юность Н. С. Державина были тесно связаны с сообществами болгар-колонистов, когда будущий ученый смог близко познакомиться с языком, устным народным творчеством, повседневым жизненным укладом и традициями болгарского народа. Окончив с золотой медалью Симферопольскую гимназию, Н. С. Державин в 1896 г. поступил в Санкт-Петербургский университет, но уже в следующем году продолжил образование в Нежинском историко-филологическом институте им. А. А. Безбородко. Уже само это обстоятельство свидетельствует, что в филологии и языкознании Н. С. Державин избрал южнорусское, малороссийское и югославянское направление. Будучи студентом третьего курса, он опубликовал первую свою научную работу «Очерки быта южнорусских болгар». После окончания учебы Н. С. Державин преподавал русский язык в Закавказье, в Тифлисе и в Батуме. Учительская должность на национальных окраинах Российской империи не считалась особо престижной, однако, помимо повышенной оплаты, она давала довольно высокий статус в глазах местной царской администрации и возможность успешной карьеры не только по ведомству народного просвещения. Н. С. Державину же эта работа позволила собрать интересный материал в области этнографии народов Кавказа. Научные и служебные достижения Н. С. Державина были отмечены, когда он оказался в числе стипендиатов Российской академии наук. В 1903 г. он был командирован академией в Турцию и Болгарию, в частности, работал в Русском археологическом институте в Константинополе и даже стал его членом-корреспондентом. Уместно будет заметить, что на названный институт была возложена не только сугубо научная миссия. В 1907 г., в возрасте тридцати лет, Н. С. Державин переехал в Санкт-Петербург. С этого времени и до последнего дня его жизнь неразрывно связана с городом на Неве, с Санкт-Петербургским университетом и другими научными учреждениями (Публичной библиотекой и Библиотекой Академии наук). В 1909–1910 гг. Н. С. Державин

был командирован в Бессарабию и Болгарию. Это был период очередного обострения ситуации на Балканах, боснийского кризиса и кризиса вокруг Македонии, кануна балканских войн. О том, что его миссия имела не только сугубо научный характер, свидетельствуют работы ученого того времени, посвященные так называемому македонскому вопросу, в котором Россия встала на сторону Сербии<sup>6</sup>. В 1912 г. Н. С. Державин получил должность приват-доцента, а в 1917 г. стал профессором Санкт-Петербургского университета.

Революционные события 1917 г.: свержение в России монархии, установление республики и Великую Октябрьскую революцию – Н. С. Державин встретил в стенах университета. В то время он был далек от политической деятельности, но занимал лояльную позицию по отношению к Советской власти. В период осуществленных большевиками кардинальных преобразований высшей школы, когда из университетов были фактически изъяты все гуманитарные науки, Н. С. Державин не только сохранил должность и звание профессора Ленинградского университета, но и в 1922–1925 гг. был его ректором, а затем возглавил кафедру славянской филологии (1925 г.) и факультет языкознания и материальной культуры (1928 г.). Последний фактически стал преемником прежнего историко-филологического факультета университета. В дальнейшем в течение десятилетия (1928–1938 гг.) Н. С. Державин заведовал кафедрой русского и славянских языков сначала в составе Ленинградского университета, а затем в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), после перевода туда упомянутой кафедры.

Не в последнюю очередь благодаря позиции и деятельности Н. С. Державина в 1920-е гг. стал возможен своего рода компромисс между Ленинградским университетом и советскими властями на почве сочетания идеологической и политической лояльности, с одной стороны, и фактической университетской автономии – с другой. В решающей степени этот компромисс сказался и на личной судьбе Н. С. Державина, когда в 1931 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР. Его избрание, минуя статус члена-корреспондента, было непосредственно связано с тем, что Н. С. Державин был одним из наиболее последовательных сторонников лингвистических воззрений Н. Я. Марра, пытавшегося вульгарно применить к языкознанию

---

6 См.: *Гусев Н. С.* Публичная деятельность Н. С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // *Дриновски сборник / Дриновський збірник*. Т. 12. Харків; Софія, 2019. С. 156–164.

марксистскую концепцию общественно-экономических формаций. На рубеже 1920–1930-х гг. эти воззрения получили достаточно широкое распространение в СССР среди лингвистов и до известного времени пользовались благосклонностью властей из-за своей псевдореволюционности. О хороших отношениях Н. С. Державина с партийно-государственным руководством страны свидетельствовало и возникшее тогда же его прозвище – «красный академик».

Еще при жизни Н. С. Державина, а особенно в 1990-е гг., его «марристские заблуждения» и близость к советским властям стали поводом для нелицеприятной и не всегда корректной критики<sup>7</sup>. Стоит, однако, отметить, что преемник Н. С. Державина в области славянского языкознания и болгаристики в отечественной науке, С. Б. Бернштейн<sup>8</sup>, упомянув в воспоминаниях (в целом достаточно критических по отношению к современникам) о заблуждениях и ошибках предшественника, о принципиальных разногласиях между ними, все же высоко оценил вклад Н. С. Державина в науку как исследователя и организатора и писал, что питал к нему самые теплые чувства как к коллеге и старшему товарищу<sup>9</sup>. Характеризуя в целом научную деятельность Н. С. Державина, можно отметить, что фундаментальные теоретические проблемы языкознания не были для него первостепенными. В своей работе он уделял главное внимание славяноведению в широком смысле, как по традиции оно понималось в России, а его основные работы посвящены истории и культуре Болгарии и России, а также историческим связям между нашими народами.

Все это побудило Н. С. Державина с удвоенной энергией ратовать за возрождение отечественного славяноведения и за создание соответствующего специализированного института Академии наук.

---

<sup>7</sup> См.: *Аллатов В. М.* Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования.* 1993. № 4. С. 271–288; *Аллатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004. С. 117.

<sup>8</sup> Н. С. Державин возглавил образованную в 1943 г. кафедру славянского языкознания Московского университета. Однако поскольку он жил в Ленинграде, то практически руководил работой кафедры С. Б. Бернштейн. Последний официально сменил Н. С. Державина во главе кафедры в 1948 г. Выпускники кафедры составили кадровую основу возглавленных С. Б. Бернштейном лингвистических подразделений созданного в 1946 г. Института славяноведения АН СССР.

<sup>9</sup> *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 175.



Этому вопросу посвящен комплекс публикуемых документов, в котором в общих чертах нашел отражение план создания института Академии наук по фундаментальным проблемам славяноведения.

В 1920-е и в самом начале 1930-х гг. в нашей стране предпринимались отдельные попытки «восстановления в правах» славяноведения как особого научного направления. Думается, что эта проблема, затронутая в трудах не одного поколения сотрудников Института славяноведения РАН, нуждается в специальном и более детальном исследовании. Так, в самом начале 1930-х гг. в Ленинграде по инициативе Н. С. Державина был создан (ленинградский) Институт славяноведения АН СССР (1931–1934 гг.)<sup>10</sup>, который тот и возглавил. Однако в первой половине 1930-х гг. в правящих кругах возобладала иная тенденция: с 1931 г. были закрыты славистические кафедры в вузах, тогда же начало разворачиваться т. н. «Академическое дело», по которому подверглись незаконным и безосновательным репрессиям многие ученые-слависты. Причины и обстоятельства закрытия Института славяноведения в Ленинграде, как представляется, прояснены недостаточно<sup>11</sup>. Свою роль в этом сыграло упомянутое «Академическое дело». Вероятно, закрытие института в 1934 г., преобразованного тогда же в Кабинет славяноведения, работавший на базе Библиотеки Академии наук, было также связано с перестройкой научных учреждений гуманитарного профиля в середине

---

10 См.: Шанова З. К. Институт славяноведения (1934–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52). С. 59–63. URL: [http://www.ras.ru/e\\_editions/pbsh\\_2015\\_4-52.pdf](http://www.ras.ru/e_editions/pbsh_2015_4-52.pdf) (дата обращения: 01.08.2023).

В 2023 г., в связи с 70-летием Института славяноведения РАН, в статье, посвященной юбилею, К. В. Никифоров писал, что отечественный центр славяноведения первоначально был создан в Ленинграде в 1931–1934 гг., а в 1939–1946 гг. «началась борьба за воссоздание академического славистического центра» (Никифоров К. В. Центру российской славистики – 70 лет // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 13–14). Таким образом, он вслед за своими предшественниками и старшими коллегами поддержал тезис, что история института восходит к началу 1930-х гг. и в дальнейшем была возобновлена и продолжена в новых исторических условиях (См.: Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971).

11 См.: Аксенова Е. П. «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81.

1930-х гг. и с возвращением исторической науки и других гуманитарных дисциплин в стены университетов. Аналогичная судьба ожидала МИФЛИ и ЛИФЛИ<sup>12</sup>. В частности, вследствие ликвидации ленинградского института Н. С. Державин утратил в 1938 г. должность заведующего кафедрой.

12 июля 1938 г., во время резкого обострения политического кризиса вокруг Чехословакии, Н. С. Державин направил Председателю СНК В. М. Молотову письмо и обширную докладную записку. Из вступления к письму следует, что это было не первое обращение Н. С. Державина к главе советского правительства. Он уже писал В. М. Молотову ранее, в 1931 г., в связи с созданием ленинградского Института славяноведения. Тезисы обращения 1931 г. легли в основу передовой статьи Н. С. Державина в 1-м выпуске трудов института. В интересах подлинной науки, полагал он, необходимо было «максимально активизировать проблематику и методологию всей нашей науки в целом, в том числе и наших славяноведных изысканий», сосредоточив в первую очередь «внимание на живой современности», поставив «задачей – изучение интересующей нас группы народов в культурно-историческом, хозяйственном, историко-литературном, языковом и бытовом отношениях в эпохи промышленного капитализма, империализма и пролетарских революций»<sup>13</sup>.

В 1934 г. в борьбе за сохранение ленинградского института Н. С. Державин излагал аналогичные идеи в записке, адресованной возглавлявшему в Академии наук СССР отделение общественных наук В. П. Волгину<sup>14</sup>. Таким образом, в начале 1930-х гг., говоря о конкретных направлениях и задачах славяноведения, Н. С. Державин имел

---

12 В ходе реформ высшего образования в СССР 1920-х – начала 1930-х гг. для утверждения марксизма в качестве методологии общественных наук вместо упраздненных гуманитарных факультетов в университетах были образованы два гуманитарных вуза университетского типа – МИФЛИ и ЛИФЛИ: Московский историко-философский и литературный институт и Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (Университеты и научные учреждения. М.; Л., 1935. С. 236, 261).

13 *Державин Н. С.* Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932. Вып. 1. С. 12.

14 См.: *Аржакова Л. М.* Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 383.

в виду преимущественно историко-культурную и филологическую проблематику. Вместе с тем, указывая на принципиальную в методологическом отношении концепцию общественно-экономических формаций применительно к историческому процессу, он отстаивал тезис о славяноведении как о дисциплине в составе исторической науки, о чем свидетельствует, в частности, помещение историко-культурной проблематики славяноведения на первое место.

Теперь же, обращаясь к В. М. Молотову в июле 1938 г., Н. С. Державин констатировал: «Славяноведческая наука находится у нас сейчас в загоне», хотя до революции она играла ведущую роль «в мировом масштабе». Вместе с тем он подчеркивал, что «Славяноведение, как наука, не одно и то же, что “славянофильство”»<sup>15</sup>. Говоря о программе возрождения отечественного славяноведения, Н. С. Державин ставил на первое место «создание в Советском Союзе центра славяноведения», имея в виду работавший под его руководством в 1931–1934 гг. «небольшой ленинградский институт, объединивший всего 7 сотрудников». Это, по его словам, «повсюду в передовых кругах славянской демократической общественности произвело исключительное впечатление, как выражение интереса Советского правительства к славянским народам, и подняло здесь антифашистские настроения»<sup>16</sup>. Уже из приведенного тезиса недвусмысленно следует, что создание специального центрального института славяноведения, который играл бы роль не только всесоюзного, но и международного славистического центра, занимало в программе Н. С. Державина центральное место. Однако в записке В. М. Молотову он ставит задачи, решение которых в комплексе должно было послужить основанием для создания такого института. Среди них он называет: введение в университетах общих и специальных курсов по истории славян; отражение последних в школьных программах; «организацию в ближайшее время Всесоюзной славяноведческой конференции»<sup>17</sup>. Н. С. Державин особо подчеркивал принципиальное значение нераздельности изучения истории и культуры славян с изучением отечественной истории.

Предваряя обращение читателя к публикуемой записке Н. С. Державина 1938 г., нельзя не обратить внимание на присутствующие в ней характерные для периода репрессий 1937–1938 гг.

---

15 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 36–37.

16 Там же. Л. 47.

17 Там же. Л. 51–53.

политико-идеологические штампы вроде заявлений о верности учению марксизма-ленинизма или упоминаний о «врагах народа», о «троцкистско-зиновьевской банде» и т. п. Однако следует учесть, что в обращении к председателю советского правительства высказывания такого рода были как бы обязательны, и это не более чем обычная дань литературно-политическому этикету. Заметим, что, употребляя эпитеты подобного рода, Н. С. Державин не назвал ни одного имени. Поэтому нет ни малейшего основания подозревать ученого в доносителстве. Многочисленные политические доносы того времени строились, как известно, совершенно по другому принципу и, главное, с обязательным упоминанием по имени конкретных лиц.

В. М. Молотов ознакомился с письмом и запиской Н. С. Державина. Об этом свидетельствуют подчеркивания в тексте, сделанные референтом для доклада главе правительства, а может быть, и самим премьером, а также его резолюция с выражением благодарности за присланную книгу. В архивном фонде Молотова есть и другие упоминания, что Державин направлял главе советского правительства для его «личной библиотеки» свои наиболее значительные труды<sup>18</sup>.

С началом Великой Отечественной войны Н. С. Державин выступил с инициативой развертывания широкого международного славянского движения в борьбе за победу над нацизмом и стал одним из его организаторов. Однако его инициатива по созданию всесоюзного центра славяноведения и конкретные предложения в этой области начали реализовываться только в середине 1942 г. Этому вопросу будет посвящена следующая публикация.

Настоящая публикация письма и записки Н. С. Державина 1938 г. выполнена в соответствии с современными археографическими правилами и рекомендациями по публикации исторических источников по истории Новейшего времени, с соблюдением норм современной орфографии и пунктуации, в частности в написании названий. В квадратных скобках раскрыты авторские сокращения текста, а в некоторых случаях – помещены внесенные авторами публикации дополнения пояснительного характера. Квадратными скобками с многоточием обозначены отдельные пропущенные несущественные элементы текста.

---

18 См.: Там же. Л. 34, 62.

## № 1

1938 г., июля 12. Ленинград.

Письмо Н. С. Державина – В. М. Молотову

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР  
тов. В. М. Молотову

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Позвольте мне, прежде всего, поблагодарить Вас за предоставленную мне возможность обратиться непосредственно к Вам с рядом волнующих меня вопросов, касающихся моей науки – славяноведения<sup>19</sup> и ее современного положения в СССР, и просить Вас не отказать мне в помощи Вашими руководящими указаниями.

В настоящий момент напряженного международного положения, когда германский фашизм протягивает свою лапу к дружественной нам Чехословакии и уже прибрал или почти прибрал к своим рукам командные верхи правящих классов в Польше, в Югославии и в Болгарии, встречая повсюду, однако, единодушный отпор со стороны передовых элементов местной демократической общественности, которая неизменно тянется к Советскому Союзу, считая его естественным защитником своих национальных, культурных и политических прав, – я счел себя обязанным обратиться непосредственно к Вам с вопросом, надо ли нам изучать славян – их историю, литературу, языки, их народное искусство, этнографию, фольклор и т. д.? Отвечают ли нашим советским политическим и культурным интересам эти изучения, имеющие, с моей точки зрения, огромное значение, не только в смысле общих интересов знания, но, в частности, и в смысле интересов углубленного изучения и познания культуры русских славян (русские, украинцы, белорусы), составляющих органическую часть целого, т. е. общей группы славянских народов в Европе?

Отвечают ли эти изучения, особенно в настоящее время, когда немецкий фашизм воскрешает свои старые истребительские тенденции по отношению к западным славянам (на наших глазах он уже задушил маленький героический народ сербов-лужичан, последний остаток некогда огромного полабского и прибалтийского славянского населения) и нагло выступает со своими притязаниями и против СССР, – отвечают ли эти изучения нашим широким международным

---

19 Здесь и далее подчеркнуто в тексте документа.

политическим интересам и культурным связям, интересам мировой чести и славы нашей великой родины и ее престижу, как сильнейшей мировой социалистической державы?

Я позволяю себе обратиться за разрешением этих вопросов непосредственно к Вам и к Вашему авторитету только потому, что все мои усилия в течение последних десяти лет поддержать и наладить организованное изучение у нас истории, языков, литератур, этнографии и фольклора славянских народов и обеспечить советской славистике равноправное положение наряду с другими историко-филологическими дисциплинами – германистикой, романистикой, туркологией, африканистикой и пр. и пр. – не увенчались, к сожалению, успехом.

Я стучался во все двери, защищая интересы своей науки, кое-чего достигал, но мои достижения обычно немедленно парализовывались чьей-то рукою, которую, на основании имеющихся в моем распоряжении фактов, я не имею никаких оснований считать дружеской для советской науки, – напротив, убежден в ее враждебности. Об этих фактах, в качестве предпосылки к поставленным мною вопросам, настоятельно нуждающимся в авторитетном разъяснении, я и говорю подробнее в прилагаемой при этом информационной записке на Ваше имя.

Славяноведная наука находится у нас сейчас в загоне, на положении пасынка, и должен сказать со всею откровенностью, как специальная область знания, в которой русская наука до революции занимала ведущую роль в мировом масштабе, советская славистика вымирает.

Я не «славянофил» в старом, специфическом смысле этого слова. Славяноведение, как наука, не одно и то же, что «славянофильство». И в старое время, до революции, наши крупнейшие славяноведы, вроде академиков Ягича, Фортунатова, Шахматова и др., никогда не только не были «славянофилами», но всегда решительно и определенно отмежевывались от «славянофильствующего» мракобесия. Советское славяноведение тем более не «славянофильство». Правда, оно имеет свою специфику, в смысле объекта изучения, славянские народы и их культуру, но в идеологическом и методологическом отношении – это советская марксистско-ленинская наука, как и все прочие наши обществоведческие дисциплины. Основные положения советского славяноведения были сформулированы мною еще в 1932 г. в специальной статье «Наши задачи в области славяноведения». Оттиск ее при этом прилагается<sup>20</sup>.

---

20 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 55–61об. См. также: *Державин Н. С. Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 1–14.*

Может быть, борясь за свою науку, доказывая ее важность и значение для нас, в частности – для изучения русского языка, литературы, фольклора и этнографии, я делаю это совершенно напрасно: может быть, борясь за укрепление и расширение славяноведных исследований в Советском Союзе, славянское население которого составляет около 80 % всего состава его населения, я ошибаюсь? Может быть, моя точка зрения на важность для нас максимального укрепления связей с славянскими народами в совершенно определенных целях противодействия наступлению фашизма путем подчеркнутого с нашей стороны внимания к их языку, к их литературе, к их жизни, к героическим страницам из истории их национально-освободительной борьбы с вековым чуженациональным угнетением и пр. и пр. – расходится с точкой зрения партии и правительства? – Как советский ученый, я должен это знать, потому что в своих воззрениях и в своей научной работе я не хочу и не могу расходиться ни в малейшей степени со своим правительством и великой партией Ленина-Сталина.

Я ставлю этот вопрос потому, что в ближайшем своем академическом окружении и при том не только со стороны беспартийных, но и со стороны руководящих партийных товарищей я часто не вижу необходимого внимания к интересам представляемой мною специальности, к поддержанию ее на должной высоте, к обеспечению ее необходимыми кадрами, к усилению ее продукции и пр. и пр. Больше того, я должен сказать со всею откровенностью, что в руководящих академических кругах я нередко встречаю открытое или замаскированное противодействие не только моим научным начинаниям, но и успехам представляемой мною в Советском Союзе науки. Я имею соответствующие документы в руках. Некоторые факты из пережитого мною в недавнем прошлом в области моей борьбы за советское славяноведение я привожу в прилагаемой при этом докладной записке. К сожалению, линия нетерпимого отношения к моей науке продолжается и до сих пор, хотя я не складываю оружия и, при поддержке президента Академии ак[адемика] Комарова и вице-президента ак[адемика] Кржижановского, надеюсь эту линию в конце концов преодолеть, а вместе с тем создать и более нормальную в организационном отношении обстановку и для плодотворного развития своей собственной, широко развернувшейся за последние годы плановой научно-исследовательской работы, которую я сейчас вынужден, однако, вести на положении кустаря-одиночки, работающего на дому, лишенного своей, хорошо, по-советски, оборудованной лаборатории и необходимого коллектива сотрульников. Такое положение вещей

я считаю ненормальным. Нисколько не переоценивая своих научных достижений и ученой значимости своей персоны, которая вообще представляет относительный интерес, я должен, тем не менее, сказать, что, в силу сложившихся обстоятельств, от успехов прежде всего моей научно-исследовательской работы как представителя советской науки в данной области знания зависят успехи советской науки вообще на данном участке ее фронта, который я всегда считал важным, а сейчас считаю особенно важным; зависят успехи работы моих учеников и сотрудников, а равно и успехи дела подготовки новых кадров специалистов. Наука вырастает не в безвоздушном пространстве, а в труде живых людей.

Обстановка и условия работы кустаря-одиночки меня не удовлетворяют, потому что они для меня тесны, мешают нормальному росту моей работы, а вместе с тем и росту советской науки в области представляемого мною знания. В этом утверждении нет никакого преувеличения, ни самомнения: таково действительное положение вещей на сегодняшний день, положение, для меня лично весьма ответственное, заставляющее меня беспокоить даже Вас своим разговором на эту тему.

Я глубоко убежден в том, что в настоящий момент наступления на славянские страны фашизма подчеркнутое усиление и укрепление у нас славяноведных изучений представляло бы собою одну из актуальных форм борьбы с фашизмом; что агитация путем науки о славянских народах в широких массах трудящихся всех братских народов СССР была бы сейчас у нас формой антифашистской пропаганды, элементом патриотического воспитания, еще одним острием, направленным против наступающего фашизма. С этой точки зрения всякое открытое или замаскированное противодействие успехам славяноведных изучений в СССР я склонен сейчас рассматривать как послабление фашизму.

Прав я или не прав в своих установках? Прав ли я, когда, во-первых, хочу поддержать, укрепить и усилить свою науку в СССР, и, во-вторых, держать ее на высоте передовой науки, в огромной творческой силе которой на службе интересам социалистического строительства нашей великой родины и укрепления ее обороноспособности, чему служит у нас, конечно, всякая передовая наука, я убежден глубоко.

Если я прав, я нуждаюсь в Вашем содействии и в Вашей поддержке моей науки. Несколько конкретных предложений в этом смысле я привожу в прилагаемой при этом докладной записке.



Более подробное развитие ее основных положений может быть представлено Вам или по Вашему указанию в соответствующую инстанцию.

P.S. Не откажите во внимании прилагаемому письму моего сына, посвященному вопросам, крайне тяжело переживаемым всей нашей семьей.

Прошу Вас принять мой горячий привет. [Подпись] (Академик Н. С. Державин)

12.VII.38. Ленинград [...]

*РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 35–40. Подлинник. Машинопись.*

## № 2

**1938 г., июля 12. Ленинград.**

**Докладная записка Н. С. Державина – В. М. Молотову.  
(Приложение к письму Н. С. Державина от 12 июля 1938 г.)**

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР  
тов. В. М. Молотову

Докладная записка о положении славяноведных изучений  
в СССР – акад[емика] Н. С. Державина

В текущем году исполнилось сорок лет моей непрерывной научно-исследовательской работы в области славяноведения. Из своего многолетнего опыта и непосредственных наблюдений на местах в славянских странах, в Болгарии и в Чехословакии, а также в Польше (Болгарию я посетил до революции дважды с научной целью, в 1903 и в 1910 гг.; в Чехословакии принимал активное участие в качестве делегата СССР в работах I Международного съезда филологов-славистов в 1929 г., а в 1933 г. работал в пражской Славянской библиотеке; в Польше принимал участие в работах VII международного исторического конгресса в 1933 г.) я знаю, что достаточно самого незначительного со стороны советской науки внимания к жизни, языку, культуре славянских народов, как это внимание буквально поднимает политическое настроение в широчайших кругах местной демократической общественности, заряжает ее бодростью, вселяет веру в свои силы. Спрашивается, почему так политически эффективно у славян каждое слово советской науки по вопросам их национального языка, истории,

литературы, народного быта и пр.? По двум причинам. Во-первых, потому, что в этих странах в сознании широких трудовых масс и трудовой интеллигенции неизменно и непоколебимо живет убеждение, что мощный Советский Союз во всем мире является их единственным бескорыстным другом и защитником. Во-вторых, потому, что в этих странах, долгое время своей исторической жизни находившихся под чуженациональным угнетением, вопросы национального языка, истории, литературы и пр. играют доминирующую роль, роль, совершенно естественно, крупную и в политическом отношении. Эти же науки у всех славян в первую очередь имеют и наилучшую разработку. Таким образом, говоря со славянскими народами языком и проблематикой славянской филологии, понимаемой в широком смысле этого слова, можно очень легко создать в общественном мнении славянских стран прочный оплот, на базе уже существующих к Советскому Союзу симпатий, против своего и чужеземного фашизма.

Я отдаю себе, конечно, совершенно ясный отчет в том, что международные политические отношения в эпоху господства капитализма, и тем более в его отвратительной фашистской стадии развития, строятся не на науке вообще и тем более не на филологии. Только в социалистическом обществе наука является решающим фактором не только в деле культурного и хозяйственного строительства, но и в деле международных политических отношений, прекрасный пример чему мы имеем налицо в организации и в практике братских международных взаимоотношений в СССР.

И тем не менее в своих широких международных отношениях Советское правительство, прекрасно учитывая господствующие в капиталистическом окружении звериные «нравы», поддерживает с капиталистическими странами культурные связи, что имеет огромное международное политическое значение.

К сожалению, наши культурные связи со славянскими странами через науку недостаточно активизированы; вернее говоря – вовсе не активизированы, благодаря создавшемуся на этом участке нашего советского фронта некоторому затору, некоторому отстранению славяноведных изучений на последний план, а также и пренебрежению, господствующему в некоторых академических кругах, к этой области знания, что, несомненно, как я убежден, должно расходиться со взглядами правительства, о чем я сужу прежде всего на основании общей культурно-просветительской линии его политики, а затем и на основании такого, например, частного факта, как проектируемое открытие у нас в ближайшее время, что мне известно, правда, со вторых рук,

до 20-ти <sup>21</sup> филологических факультетов во всех университетах с обязательным преподаванием на них славянской филологии. Это совершенно правильное и мудрое решение, потому что нельзя ни изучать истории русского, украинского или белорусского языков, ни научно знать их вне увязки их прежде всего друг с другом, а затем и с прочими славянскими языками, южными и западными.

Мне известно, не знаю, насколько это верно, что украинский язык изучается в украинских вузах не только вне общих основ славянской филологии, но даже вне увязки его с русским языком. То же самое имеет место и в Белоруссии при изучении белорусского языка. Такое положение вещей мне представляется научно неправильным и политически вредным, потому что в некоторых головах оно может питать ложную научно и вредную политически иллюзию о «самостийности» украинского или белорусского языков, и толкать эти головы на поиски «самостийного» места для украинского или белорусского языка в ряду прочих так называемых индоевропейских языков, минуя русско-славянскую группу, к которой они принадлежат и исторически, и органически. Такие попытки имели место в недавнем прошлом в украинском языкознании: на Западе проф. Ст. Смаль-Стоцкий («Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache», Вена, 1913<sup>22</sup> и «Розвиток поглядів про сім'ю слов. мов і їх взаїмне споріднення» – в «Записках Наукового тов. ім. Шевченка», т. 161–168, Львов, 1925)<sup>23</sup>; у нас – б[ывший] харьковский профессор К. Нимчинов («Укр. язык у минулому й тепер», Держ. вид. Укр. 1925)<sup>24</sup>.

Какие же причины привели нас на сегодняшний день к тому положению вещей, которое я характеризую как вымирание славяноведения, что, в частности, накануне проведения в жизнь огромного правительственного начинания в деле организации в стране университетского филологического образования, столкнуло нас лицом

21 Читается предположительно из-за многократных исправлений.

22 *Smal-Stockyj S., Gartner T. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.*

23 *Смаль-Стоцький С. Розвиток поглядів про сім'ю словянських мов і їх взаїмне споріднення. Львів, 1925.*

24 *Німчинов К. Т. Український язык у минулому й тепер. Підручна книга до усвідомлення фактів українського языка. Харків, 1925. К. Т. Нимчинов – профессор Харьковского университета, лингвист-украинист, придерживался концепции особого статуса украинского языка в семье славянских языков. Был репрессирован в 1930-е гг.*

к лицу с отсутствием необходимых кадров? Я могу, кстати, назвать, сколько сейчас в Советском Союзе имеется налицо квалифицированных специалистов-славяноведов:

Ленинград: – 3 слависта-филолога (акад. Державин, проф. Чернобаев, проф. Пушкаревич) и

1 славяновед-лингвист (проф. Матвеева-Исаева);

Харьков – 1 славяновед-лингвист (проф. Булаховский)

Одесса – 1 славяновед-лингвист (доцент Бернштейн).

Вот и все! Этими ничтожными для великой страны силами исчерпывается весь наш славяноведческий резерв. В Ленинграде, впрочем, имеется еще три слависта, которые, однако, в виду отсутствия возможности приложения на практике своих познаний давно уже переменили свою специальность и работают в других областях знания.

Крупнейшую отрицательную роль в данном случае сыграла имевшаяся у нас в прошлом ликвидация филологических факультетов и превращение их в педвузы, т. е. в узкопрофессиональные учебные заведения с весьма урезанным объемом научно-теоретических знаний. В результате этого преобразования мы оказались сейчас не только без кадров славяноведов для вузовского преподавания, но и без необходимых кадров преподавателей русского языка и литературы для средней школы, и сейчас нам приходится принимать энергичные меры для того, чтобы в кратчайший срок ликвидировать этот прорыв.

Некоторую роль в образовании этого прорыва сыграла также и ликвидация в Академии наук Отделения русского языка и словесности, которое до революции было организующим центром филологических изучений в России и, несмотря на все свои недостатки, характерные для русской дореволюционной науки вообще, проделывало, тем не менее, большую научно-исследовательскую и издательскую работу. Образовавшаяся вместе с закрытием в Академии наук этого специального отделения, имевшего своею задачей и разработку всех проблем славянской филологии, пустота долгое время оставалась незаполненной, особенно по линии изучения русского и прочих славянских языков. История же славянских литератур, этнография и фольклор славянских народов и до сих пор имеют перед собою двери нашей Академии наук фактически закрытыми, несмотря на то, что в недрах той же академии имеется сейчас уже два литературоведческих института, Институт этнографии и специальная фольклорная комиссия. В них изучаются литературы, этнография

и фольклор многих народов мира, но славянские народы в этом отношении не представлены.

В течение последних 20 лет я являюсь в СССР старшим по научному стажу специалистом в области славянской филологии. Естественно, я всегда считал себя поэтому ответственным за судьбы своей науки и, по мере своих сил, вел настойчивую и упорную борьбу за обеспечение представляемой мною науке элементарных условий для ее нормального развития и успехов. И вот, подводя сейчас итоги своей сорокалетней работы, я могу сказать, что кое-что в этом смысле для своей науки я сделал. Но меня угнетает мысль, что я сделал не все, что должен был бы сделать, и что я не добился или не сумел добиться того, чего мне хотелось бы добиться, т. е. видеть свою науку, для развития и процветания которой у нас в Советском Союзе имеются сейчас налицо все возможности, (xxxxx)<sup>25</sup> обеспеченной надлежащей организационной обстановкой.

В отсутствии этого я виню прежде всего самого себя, но думаю, что в данном случае отрицательную роль сыграли и некоторые побочные обстоятельства.

С 1920–1922 гг. по поручению правительства я организовал в Ленинградском университете факультет общественных наук и обеспечил надлежащую постановку преподавания на нем ряда дисциплин по славянской филологии. Затем, в должности ректора того же университета с 1922–1925 гг., и потом с 1925–1928 гг. в должности организатора и декана факультета языковедения и материальной культуры я заботился о том, чтобы эта область знания, представленная в то время из всех советских вузов только в Ленинградском университете, не умахалась и не снижалась, именно в интересах повышения квалификации оканчивающих курс университета специалистов по русскому языку. С 1928 по 1938 гг., состоя в должности заведующего кафедрой русского и славянских языков, я настойчиво проводил ту же линию. Таким образом, я могу утверждать, что изучение славяноведения в СССР никогда за годы революции не прерывалось, хотя и было представлено только в одном Ленинградском университете. Кое-что делалось тогда же в этой области и в нашей Академии наук, где существовала специальная Славянская комиссия.

В 1928 г. при содействии директора Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, моего учителя и друга, покойного академика Н. Я. Марра, вместе с которым я работал в качестве его

---

25 В тексте вымарано.

заместителя, я организовал специальный Славянский отдел. К сожалению, спустя два года этот отдел, вопреки моему протесту и протесту ак[адемика] Марра, был закрыт. Мне было тяжело перенести этот удар, который я рассматривал как удар по советской науке, но лица, закрывавшие этот отдел под предлогом пересмотра структуры библиотеки и перестройки ее на функциональных началах, действовали, по их словам, по директивам высших руководящих органов.

В то время я прочел в Пражском филологическом журнале «Slavia» (книга IX, 1930 г.) заметку о состоявшемся в сентябре 1928 г. в Белграде (Югославия) IV-м съезде «русских» ученых, т. е. русских белоэмигрантов, на котором публично утверждалась, в совершенно определенных, конечно, антисоветских целях и в целях антисоветской пропаганды, в частности, возмутительная ложь на тему о том, что Советский Союз не интересуется славянами и не изучает их, и говорилось при этом, что подлинными представителями «русской» славяноведной науки являются сейчас именно и только русские ученые – белоэмигранты.

Прочтя эту заметку, я понял, что наши враги за границей ведут в славянских странах среди дружественно настроенной по отношению к нам трудовой интеллигенции и широких кругов местной демократической общественности гнусную клеветническую кампанию против Советского Союза. Я решил по-деловому реагировать на эту кампанию, и с избранием меня в феврале м-це 1931 г. в действительные члены Академии наук СССР возбудил вопрос перед ее президиумом об организации в недрах Академии наук специального Института славяноведения, чтобы тем самым парализовать эту наглую клеветническую кампанию и показать дружественно настроенным к нам славянским демократическим кругам, что Советский Союз в действительности интересуется славянскими народами и с неослабным интересом изучает их<sup>26</sup>. Это была одна сторона дела. Другой, более

---

26 Публикации упомянутого пражского журнала, в том числе и работавших в эмиграции русских славистов, носят строго академический научный характер. Содержание журнала как источника по истории славяноведения 1920–1930-х гг. заслуживает специального исследования. Это в полной мере касается и опубликованного обзора трудов VI съезда русских славистов. Действительно, участвовавшие в нем ученые придерживались антисоветских взглядов, а рассмотренные на съезде проблемы отнюдь не были в центре внимания исследований советских ученых. Однако ни заявленных Н. С. Державиным «антисоветских

существенной для меня стороною дела при этом начинании были интересы нашей советской науки, интересы советской русской филологии, т. е. русского языка, русской литературы, этнографии и фольклора, по моему глубокому убеждению, не могущие плодотворно развиваться вне увязки их изучения с общеславянской филологией. Отставание на последнем фронте неизбежно должно было отразиться и на фронте изучения у нас русского, украинского и белорусского языков, что мы, к сожалению, и имеем в действительности.

С осени 1931 г. Институт славяноведения АН приступил к работе. Мне удалось мобилизовать все скромные силы специалистов-славяноведов в Ленинграде в числе семи человек. Институт развил большую научно-исследовательскую работу, впервые нащупывая новые пути в этой нетронутую-черноземной тогда еще области знания и делая первые опыты применения на практике марксистско-ленинской методологии в славяноведении. Полученное нами от царского режима наследие в области славистики носило на себе сильную печать типичной формалистической науки, в связи с чем мною тогда же была напечатана, между прочим, в одном из академических изданий специальная статья: «От формализма к марксистско-ленинской методологии»<sup>27</sup>. В другой статье – докладе, названной выше: «Наши задачи в области славяноведения», я попытался сформулировать основные задачи и методологические принципы построения нового, советского славяноведения. Словом, передо мною стояла сложная задача – перевернуть с помощью нескольких душ младшего поколения советских славистов все старое, столетием слагавшееся научное наследие, и заложить основы новой советской науки. Работа была трудная, но, тем не менее, она протекала

---

целей», ни «антисоветской пропаганды» явно в публикуемых материалах не звучало. Поэтому выдвинутый Н. С. Державиным и обращенный к В. М. Молотову тезис о необходимости создания «специального Института славяноведения» Академии наук был специально усилен политизированной и в данном случае необоснованной аргументацией. См.: *Флоровский А. В.* Историко-филологические науки на IV-ом съезде русских ученых в Белграде (16–23 сентября 1928 г.) // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* 1930–1931. Ročník IX. S. 209–216. URL: <https://kramerius.lib.cas.cz/view/uuid:f49a40bb-ed12-431d-8eea-c0ab5d337ef3?page=uuid:309982d6-c7e0-04fe8-addc-336b6a459a3d> (дата обращения: 10.09.2024).

<sup>27</sup> *Державин Н. С.* От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии. Задачи Института славяноведения Академии Наук // *Вестник Академии наук СССР.* 1931. № 10. С. 38–44.

в удовлетворительных темпах, и в течение двух с небольшим лет существования Института ему удалось выпустить два объемистых тома своих «Трудов» в общем количестве около 70 печ. лл. Это были первые робкие шаги советского славяноведения, не лишённые, конечно, и недостатков, и неизбежных ошибок.

С осени 1933 г. против Института славяноведения, не успевшего еще мало-мальски стать на ноги, начался поход. До меня стали доходить слухи, что где-то, в каких-то сферах уже принято решение о ликвидации института, и 10 июня 1934 г., в день, когда Малая Антанта вступила в дипломатические отношения с Советским Союзом, постановлением Президиума АН под председательством неперменного секретаря акад[емика] Волгина, Институт славяноведения, «как самостоятельная единица, недостаточно мощная для выполнения означенных задач», т. е. широкого изучения славянских народов, был ликвидирован «в целях усиления работы всех обществоведческих учреждений АН» в той же области. Мне лично была выражена при этом благодарность от имени Президиума АН за понесенные при организации и по руководству ИНСЛАВ труды (п. 5 протокола). Однако после ликвидации Института славяноведения никакого усиления работы «всех обществоведческих учреждений АН в области изучения славянских народов» вплоть до настоящего дня не произошло. Славяноведение, таким образом, оказалось изгнанным из стен Академии.

Вскоре после этого в Ленинграде развернулись ужасающие события – убийство 1 декабря 1934 г. незабвенного С. М. Кирова. Весной 1935 г. начались первые аресты среди членов академического центра троцкистско-зиновьевско-бухаринской банды, и среди арестованных оказалась, между прочим, вся та группа субъектов, которая на одном из заседаний, предшествовавших постановлению Президиума от 10 июня 1934 г. в связи с моим отчетным докладом о деятельности института, вела себя с исключительной циничной развязностью и фактически предрешила его ликвидацию.

Сначала я был склонен думать, что мною были допущены в работе какие-то серьезные ошибки, о которых, однако, никто мне не говорил и которые до сих пор остаются мне неизвестными. Но впоследствии, когда я учел все обстоятельства, предшествовавшие ликвидации института, и связал их с последующими событиями, передо мною встала иная картина. Обстоятельства, предшествовавшие ликвидации академического Института славяноведения, были следующие:



1. Создание в Советском Союзе центра славяноведения повсюду в передовых кругах славянской демократической общественности произвело исключительное впечатление как выражение интереса Советского правительства к славянским народам и подняло здесь антифашистские настроения.

2. В мае [есяце] 1933 г. я прочел в Праге по приглашению Чехословацкого общества друзей Советского Союза (пред. проф. Неедлы)<sup>28</sup> в одной из больших аудиторий Пражского университета, при переполненном составе слушателей, публичную лекцию на тему о строительстве национальной культуры и национал-фашизме. Гитлер в это время только еще начинал входить в силу. Моя лекция была заострена против фашизма, произвела сильное впечатление на слушателей и вызвала овации по адресу Советского Союза. Через несколько дней после этого я прочел в том же университете на объединенном заседании профессорско-преподавательского состава исторического и филологического факультетов специальный доклад на тему, связанную с проблемой происхождения славян, т. е. на тему, в разработке которой чешской науке принадлежат крупнейшие заслуги. Я, как советский ученый, был торжественно встречен в аудитории приветственной речью декана филологического факультета; мой часовой доклад, построенный на основе достижений нашей советской науки, был выслушан с напряженным вниманием и сопровождался также овациями по адресу Советского Союза. Он наглядно показал, перед авторитетной аудиторией, что славяноведение в Советском Союзе не только существует, но и делает успехи; что Советский Союз, вопреки злостной агитации, интересуется славянскими народами. А когда в конце мая [есяца] по окончании своих занятий я покидал Прагу, я получил в нашем полпредстве среди прочих газетных вырезок также и вырезку из пражского органа президента Масарика<sup>29</sup>, в которой я прочел, между прочим, строки, говорившие о том, что пребывание профессора Державина в Праге содействовало укреплению наших культурных связей с СССР. Через год после этого, 10 июня 1934 г., состоялось оформление дипломатических отношений Чехословакии и СССР, и в тот же день был закрыт Институт славяноведения АН.

---

28 Неедлы Зденек (Nejedlý Zdeněk) (1878–1962 гг.) – выдающийся ученый, общественный и политический деятель, крупнейший славист, специалист по истории Чехии, чешской музыкальной культуры, литературный критик, государственный деятель, член-корреспондент АН СССР (с 1947 г.), президент чехословацкой Академии наук (1952–1962 гг.).

29 Масарик Томаш Гарриг (Masaryk Tomáš Garrigue) – первый президент Чехословацкой республики (1918–1935 гг.).

Трезвая мысль не может ограничиться голой констатацией фактов. Она ищет взаимосвязи между ними. И когда, с течением времени, пережив тяжелый удар в связи с ликвидацией моего детища, Института славяноведения, которого я ждал в течение 35 лет своей научной работы, я пришел в себя и стал разбираться в текущих событиях, в связи с убийством в том же году С. М. Кирова, у меня возникла мысль, не представляет ли собою непримиримый нажим на наше славяноведение со стороны, несомненно, врагов народа дело немецко-фашистской агентуры с тем, чтобы убрать с дороги наступающего на славянские страны фашизма такую серьезную препону, как идеологическое влияние на широкую славянскую демократическую общественность, хотя бы и через науку, обаяния Советского Союза.

Таково мое личное толкование фактов. Может быть, оно и ошибочно – я не знаю. Но настойчивость, с которою в недрах Академии наук ликвидировалось в недавнем прошлом славяноведение, поразительна и невольно обращает на себя внимание. Так, например, одновременно с постановлением президиума о ликвидации Института славяноведения от 10 июня 1934 г. мне удалось добиться решения президиума сохранить в составе Библиотеки академии наук специальный Кабинет славяноведения в составе богатейшего, лично мною собранного специального книжного фонда. Президиум охотно пошел навстречу моему ходатайству, вынес соответствующее постановление и обеспечил кабинет двумя штатными единицами. Но уже тогда я слышал от одного из членов той же троцкистско-бухаринской банды, принимавшего вместе с другими своими товарищами активное участие в ликвидации Института славяноведения: «Мы закроем вам и Кабинет славяноведения»!<sup>30</sup> И действительно, в мае м[есяце] 1936 г. Кабинет славяноведения был «законсервирован», т. е. закрыт и раскассирован. Мои предупреждающие сигналы и протесты перед академиком-секретарем ООН<sup>31</sup> не имели никакого отклика. Инициатором закрытия этого кабинета оказался тот же субъект, который несколько лет тому назад закрыл в Публичной библиотеке Славянское отделение. В конце 1937 или в начале 1938 г. он был арестован органами НКВД.

Славяноведение было, таким образом, с корнем вытравлено из стен Академии наук и вытравлено, по моему глубокому убеждению, замаскировавшимися, но впоследствии выявленными врагами народа.

Я не мог на этом успокоиться, и 28 мая текущего года подал Президиуму АН в лице президента ак[адемика] Комарова обстоятельную

30 Восклицательный знак написан от руки.

31 ООН – Отделение общественных наук АН СССР.

докладную записку о необходимости организации в Институте мировой литературы им. Горького в Москве, так как на Ленинград я уже махнул рукою, специального отдела истории славянских литератур, заручившись предварительно полным согласием со стороны директора названного института, тов. И. К. Луппола, представившего в этом же смысле и свою докладную записку на имя президента академии. Академик Комаров отнесся с исключительным вниманием к моему докладу, но в течение июня возбужденный мною совместно с тов. Лупполлом вопрос еще не получил разрешения. 4-го июля я имел по этому же поводу беседу с вице-президентом акад[емиком] Кржижановским, который отнесся с полным вниманием и исключительным доброжелательством к моему предложению, и я не теряю надежды, что на этот раз, при содействии президента и вице-президента АН, мне удастся в конце концов сломить совершенно непонятную для меня косность и бездеятельность, проявленные до сих пор в этом важнейшем сейчас для нас научно и сугубо политическом вопросе со стороны руководства Отделения общественных наук. Но даже если бы мне и удалось достигнуть благоприятного разрешения интересующего меня частного вопроса об организации в одном из институтов литературы АН отдела или сектора истории славянских литератур, это все же не было бы еще разрешением волнующей меня проблемы в целом.

Исходя из изложенных выше соображений, если только они отвечают интересам Советского Союза, я позволяю себе сделать следующие конкретные предложения:

#### I.

1. Шире открыть страницы наших центральных органов («Правда», «Известия») для популяризации в широких массах трудящихся СССР знания о западных и южных славянах.

2. Ввести в программы преподавания исторических факультетов университетов, педвузов и высших военно-учебных заведений СССР общие и специальные курсы по истории славян в качестве обязательных предметов; то же на филологических факультетах по истории славянских литератур, славянской этнографии и фольклору.

3. Ввести элементы славяноведения, т. е. некоторое знакомство с прошлым и настоящим славянских народов, в средние школы СССР.

4. Организовать в ближайшее время всесоюзную славяноведческую конференцию, пригласив к участию в ней не только специалистов по славяноведению, но и всех лиц, интересующихся проблемами славяноведения (преподавателей высших и средних учебных

заведений – историков, литературоведов, языковедов, этнографов и фольклористов, а также литераторов), сделав основную ось внимания конференции – борьбу славянских народов и СССР с наступающим немецким фашизмом. Пригласить к участию в этой конференции в качестве гостей и докладчиков представителей передовой демократической общественности славянских стран (ученых, писателей, общественных деятелей, педагогов и пр.).

## II.

1. Выделить из состава Отделения общественных наук (ООН) Академии наук СССР специальное Отделение русского языка и словесности в целях обеспечения более конкретного руководства президиума АН на этом ударном участке академического фронта, с поручением ему изучения и разработки всех проблем славянской филологии, т. е. истории литератур и языков всех славянских народов с выдвиганием на первый план русского языка и русской литературы.

2. Поручить всем обществоведческим институтам АН поставить в плановом порядке своих работ изучение славянских народов по специальности каждого из институтов.

3. Поручить Академии наук СССР организовать издание специальной монографической и популярной серии работ по славяноведению, мобилизовав для этого в порядке специальных поручений все наличные научные силы СССР.

Осуществление намеченной мною в основных чертах программы сопряжено, несомненно, с известными трудностями в смысле наличности у нас достаточных кадров живой творческой силы для ее осуществления. Но если мы не будем останавливаться перед этими трудностями, не будем ссылаться на то, что у нас для этого нет достаточного количества специалистов, а примемся за дело даже в том скромном, на первых порах, объеме, в каком мы можем его сегодня поднять, мы тем самым не только сделаем все же некоторое дело, но и подготовим необходимую почву для завтрашнего дня, а завтра, благодаря этому, у нас явится и больше специалистов и больше дела.

Академик: [Подпись] (Н. С. Державин)

12.VII.38. г. Ленинград<sup>32</sup>

*РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 41–54. Подлинник. Машинопись.*

<sup>32</sup> Дата написана от руки.

## Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

*Аксенова Е. П.* «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81.

*Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2004. 282 с.

*Алпатов В. М.* Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 271–288.

*Аржакова Л. М.* Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 369–388. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.02.

*Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82.

*Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 374 с.

Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии / под ред. проф. З. Р. Неядлы. М.: Госполитиздат, 1944. 223 с.

*Гусев Н. С.* Публичная деятельность Н. С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. 12. Харків; София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2019. С. 156–164.

Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972) / под ред. С. Б. Бернштейна, В. А. Дьякова, В. И. Злыднева, В. Д. Королюка, Е. П. Наумова. М.: Наука, 1971. 141 с.

*Державин Н. С.* Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. Т. 1. С. 1–14.

*Державин Н. С.* От филологического формализма к марксистко-ленинской методологии. Задачи Института славяноведения Академии Наук // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. С. 38–44.

*Марней Л. П., Носов Б. В.* Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения 1968 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 422–442. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03.

*Марына В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 488 с.

*Німчинов К. Т.* Український язык у минулому й тепер. Підручна книга до усвідомлення фактів українського языка. Харків: Держ. вид-во України, 1925. 88 с.

Никифоров К. В. Центру российской славистики – 70 лет // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 13–26.

Смаль-Стоцкий С. Розвиток поглядів про сім'ю словянських мов і їх взаємне споріднення. Львів: Наукове Товариство ім. Шевченка, 1925. 42 с.

Старков Б. А. Панславянская идея в Советской России. Новые документы, новые подходы // Европа и Срби: Меунар. науч. скуп 13–15. дец. 1995. Београд; Нови Сад: Исторически институт САНУ, Православна реч, 1996. С. 477–488.

Университеты и научные учреждения. М.; Л.: Объединенное научно-техническое издательство, 1935. 585 с.

Флоровский А. В. Историко-филологические науки на IV-ом съезде русских ученых в Белграде (16–23 сентября 1928 г.) // Slavia. Časopis pro slovan-skou filologii. 1930–1931. Ročník IX. S. 209–216. URL: <https://kramerius.lib.cas.cz/view/uuid:f49a40bb-ed12-431d-8eea-c0ab5d337ef3?page=uuid:309982d6-c7e0-4fe8-addc-336b6a459a3d> (дата обращения: 10.09.2024).

Шанова З. К. Институт славяноведения (1934–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52). С. 59–63. URL: [http://www.ras.ru/e\\_editions/pbsh\\_2015\\_4-52.pdf](http://www.ras.ru/e_editions/pbsh_2015_4-52.pdf) (дата обращения: 01.08.2023).

Smal-Stockyj S., Gartner T. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien: s.n., A. Holzhausen, 1913. 550 s.

## References

Aksionova, E. P. “«Izgnannoe iz sten Akademii» (N. S. Derzhavin i akademicheskoe slavianovedenie v 30-e gody).” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1990, No 5, pp. 69–81.

Alpatov, V. M. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm*. Moscow: Editorial URSS, 2004, 282 p.

Alpatov, V. M. “Marr, marrizm i stalinizm.” *Filosofskie issledovaniia*, 1993, No 4, pp. 271–288.

Arzhakova, L. M. “Leningradskii Institut slavianovedeniia Akademii nauk (k voprosu ob istorii izucheniia).” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 1–2, pp. 369–388. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.02.

Bernshtein, S. B. “Tragicheskaiia stranitsa iz istorii slavianskoi filologii (30-e gody XX veka).” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1989, No 1, pp. 77–82.

Bernshtein, S. B. *Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*, ed. by V. N. Toporov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 374 p.

Derzhavin, N. S. “Nashi zadachi v oblasti slavianovedeniia.” *Trudy Instituta slavianovedeniia Akademii nauk SSSR*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932, vol. 1, pp. 1–14.

Derzhavin, N. S. “Ot filologicheskogo formalizma k marksistko-leninskoi metodologii. Zadachi Instituta slavianovedeniia Akademii Nauk.” *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1931, No 10, pp. 38–44.

*Dvadsat' piat' let deiatel'nosti Instituta (1947–1972)*, ed by S. B. Bernshtein, V. A. D'iakov, V. I. Zlydnev, V. D. Koroliuk, E. P. Naumov. Moscow: Nauka, 1971, 141 p.

Florovskii, A. V. “Istoriko-filologicheskie nauki na IV-om s"ezde russkikh uchenykh v Belgrade (16–23 sentiabria 1928 g.)” *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, 1930–1931, ročník IX, pp. 209–216. URL: <https://kramerius.lib.cas.cz/view/uuid:f49a40bb-ed12-431d-8eea-c0ab5d337ef3?page=uuid:309982d6-c7e0-4fe8-addc-336b6a459a3d> (accessed: 10.09.2024).

Gusev, N. S. “Publichnaia deiatel'nost' N. S. Derzhavina po makedonskomu voprosu v 1912–1915 gg.” *Drinovskii sbornik / Drinovskii zbirnik*, vol. 12, Kharkiv, Sofiia: Izd-vo na BAN «Prof. Marin Drinov», 2019, pp. 156–164.

Mar'ina, V. V. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelevok: 1884–1948*. Moscow: Indrik, 2013, 488 p.

Marnei, L. P., Nosov, B. V. “Zapiska Ivana Ivanovicha Kostiusko v TsK KPSS o reforme Instituta slavianovedeniia 1968 g.” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 1–2, pp. 422–442. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03.

Nikiforov, K. V. “Tsentru rossiiskoi slavistiki – 70 let.” *Slavianskii al'manakh*, 2017, No 1–2, pp. 13–26.

Nimchynov, K. T. *Ukraïns'kyi iazyk u mynulomu i teper. Pidruchna knyha do usvidomlennia faktiv ukraïns'koho iazyka*. Kharkiv: Derzh. vydavnytstvo Ukraïny, 1925, 88 p.

Shanova, Z. K. “Institut slavianovedeniia (1934–1934) v stenakh Biblioteki Akademii nauk.” *Peterburgskaia bibliotchnaia shkola*, 2015, No 4 (52), pp. 59–63. URL: [http://www.ras.ru/e\\_editions/pbsh\\_2015\\_4-52.pdf](http://www.ras.ru/e_editions/pbsh_2015_4-52.pdf) (accessed: 01.08.2023).

Smal'-Stots'kyi, S. *Rozvytok pohliadiv pro sim'iu slovians'kykh mov i ikh vzaimne sporidnennia*. L'viv: Naukove Tovarystvo im. Shevchenka, 1925, 42 p.

Smal'-Stockyj, S., Gartner, T. *Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache*. Wien: s.n., A. Holzhausen, 1913, 550 p.

Starkov, B. A. “Panslavianskaia ideia v Sovetskoï Rossii. Novye dokumenty, novye podkhody.” *Jevropa i Srbi: Mehunar. nauch. skup 13–15. dets. 1995*. Beograd, Novi Sad: Istorijski institut SANU, Pravoslavna rech, 1996, pp. 477–488.

*Universitety i nauchnye uchrezhdeniia*. Moscow, Leningrad: Ob"edinennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo, 1935, 585 p.

*Vekovaia bor'ba zapadnykh i iuzhnykh slavian protiv germanskoi agressii*, ed. by prof. Z. R. Needly. Moscow: Gospolitizdat, 1944, 223 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

*L. P. Marney, B. V. Nosov*

**Letter and Note of Academician N. S. Derzhavin to the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR V. M. Molotov on the Development of Domestic Slavic Studies in the 1930s. (On the Origins of the Foundation of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences)**

Lyudmila P. Marney

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Citation

*Marney L. P., Nosov B. V.* Letter and Note of Academician N. S. Derzhavin to the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR V. M. Molotov on the Development of Domestic Slavic Studies in the 1930s. (On the Origins of the Foundation of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences) // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 394–426 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

Received: 12.03.2024.

Abstract

The publication includes a letter and a note of academician Nikolaj Derzhavin, addressed to Viacheslav Molotov, the head of the Soviet government. These documents are devoted to the history of the Russian Slavic studies in the 1930s, including some methodological issues, as well as the ideology of the so-called “Slavic idea”. Derzhavin describes his own unsuccessful struggle for the foundation of the Institute of Slavic Studies as a fundamental scientific center of the Academy of sciences, which would play the role not only of the all-Soviet institution but of an international one. Now in conditions of the international crisis of 1938–1939,



which caused the beginning of the Second World War, Derzhavin in his note put forward less expansive, but important tasks, which could serve as a solid basis for the foundation of the Institute of Slavic studies in the future. He proposed to launch general and special courses on the Slavic history at universities; to include the Slavic history in school programs and to organize an All-Soviet Slavic conference. Derzhavin especially stressed the principal importance of the complex learning of the Russian history and the history and culture of all Slavic nations.

**Keywords**

*History of Slavic studies in the USSR, academician N. S. Derzhavin, methodological issues of Slavic studies, the "Slavic idea", the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.*